

**Москва. Именные улицы города: Справочник / Авт.-сост.:
Ю.А. Алексеев, И.В. Гришина, В.С. Оськин, В.Ю. Русанов,
М.В. Смыкова, Б.П. Уткин. М.: ООСТ, 2010. 600 с.**

В современной Москве насчитывается примерно 3400 улиц, переулков, бульваров, проспектов, площадей и проездов. При этом значительная часть из них названа в честь когда-то живших людей – как знаменитых, чьи имена, как говорится, «на слуху», так и тех, о которых знают немногие. Авторы-составители рецензируемой книги поставили перед собой задачу рассказать о тех людях, чьи имена увековечены на карте российской столицы. Всего в книге рассказывается о более чем 750 московских улицах, носящих мемориальные названия. При этом о большинстве людей, в честь которых была названа та или иная улица, дается подробная биографическая справка, другим, как, например, купеческой вдове Анисье Матвеевне Лаврушиной, чей дом, упоминаемый под 1760 г., дал имя известному Лаврушинскому переулку, посвящено несколько строк.

К сожалению, авторы справочника не дали общего очерка истории наименований московских улиц. Между тем изучение этой темы позволяет развеять некоторые мифы, сложившиеся в общественном сознании. По имеющимся источникам наименование улиц в Москве по фамилиям людей, как правило, владельцев наиболее знаменитых домов, впервые прослеживается уже в XVIII в. Но названия эти были еще довольно неустойчивы. Так, например, Еропкинский переулок (между Пречистенкой и Остоженкой) в начале XVIII в. именовался Сонцовым, затем Шеншиновым по дому солдата лейб-гвардии Преображенского полка Алексея Леонтьевича Шеншина (1728 г.), и, наконец, получил нынешнее название по усадьбе генерал-аншефа Петра Дмитриевича Еропкина (1770 г.). Большие перемены в московскую топонимику внес пожар 1812 г. Во многих опустошенных огнем кварталах переулки вместо прежних стали именоваться по новым домовладельцам уже «послепожарного» времени.

Что касается чисто мемориальных названий, то обычно полагают, что называть улицы в честь знаменитых людей стали только в советский период. Это далеко не так. Первой в этом ряду стала Долгоруковская улица, названная в честь московского генерал-губернатора кн. Владимира Андреевича Долгорукова (1810–1891), управлявшего городом на протяжении четверти века. Еще при его жизни она была выделена из Новослободской улицы и по ходатайству Московской городской думы

перед императором Александром II 16 декабря 1877 г. получила новое название. На московских окраинах улицы предпочитали называть именами известных писателей. Так, в Черкизове на рубеже XIX – XX вв. появились Гоголевская, Лермонтовская и Пушкинская улицы, в Преображенском – Некрасовская улица и т.п. В 1912 г. пышно отмечался 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. В память об этом событии на западе города появились Кутузовские переулок и проезд, Багратионовский переулок.

Но если на рубеже столетий это были единичные случаи, то после революционных событий 1917 г. подобная тенденция набрала огромный размах. Все началось с известного декрета «О памятниках Республики», принятого 12 апреля 1918 г. на заседании Совнаркома. Постановление, подписанное В.И. Лениным, А.В. Луначарским и И.В. Сталиным, предусматривало снятие памятников, воздвигнутых «в честь царей и их слуг». Его отдельный пункт поручал специально созданной комиссии «спешно подготовить... замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России». Ряд названий был дан в честь деятелей революционного движения. В Москве появились улицы Бакунинская, Верхняя и Нижняя Радищевские, Карла Маркса, Бауманская, Плеханова, Володарская, площадь Свердлова и т.п. Еще при жизни В.И. Ленина его имя было увековечено в заставе и площади Ильича, Ульяновской и Тулинской (по одному из его псевдонимов) улицах.

Многие улицы переименовали в честь деятелей «районного масштаба». На карте Москвы появились Абельмановская застава (в память Н.С. Абельмана, убитого во время левозеро-вского мятежа 1918 г.), Квесисская улица (в память члена Бутырского райкома Ю.К. Квесиса), площадь Прямикова (в честь Н.Н. Прямикова, председателя военно-революционного комитета Рогожско-Симоновского района), Добрынинская улица (в память П.Г. Добрынина, погибшего в октябре 1917 г.). О многих лицах, удостоившихся подобной чести, уже через несколько лет трудно было найти хоть какие-то внятные сведения. Насколько формальными были подобные переименования, показывает пример 1922 г., когда Троицкий переулок (между Остоженкой и Пречистенкой) был переименован в Померанцев – в память об участнике октябрьских боев 1917 г. в Москве

А.А. Померанцеве. Долгое время считалось, что он погиб во время них, однако был лишь ранен и прожил долгую жизнь, скончавшись в 1979 г.

Итогом этой волны переименований стало то, что к 1922 г. новые названия получила четверть из 2 тыс. тогдашних московских улиц. Все это заставило Моссовет завершить массовые переименования улиц. В последующее время они были единичными и производились, как правило, в память наиболее видных деятелей партийного руководства (в 1934 г. Мясницкая улица была переименована в улицу Кирова, в 1935 г. Ильинка стала улицей Куйбышева), а с конца 1930-х гг. – первых Героев Советского Союза. В этом же ряду стоят улицы, названные в честь советских писателей (в 1932 г. Тверская была переименована в улицу Горького, в 1933 г. Всехсвятская улица стала улицей Серафимовича – при этом они получили новые названия еще при жизни писателей). Случались и переименования другого рода. 4 октября 1930 г. к 40-летию героя Гражданской войны В.К. Блюхера (1890–1938) Богоявленский переулочек был назван переулком Блюхера. После его трагической гибели переулочек срочно переименовали в Куйбышевский проезд.

Приблизительно с середины 1950-х гг. все чаще улицы стали называть именами известных людей. Толчком к этому послужил отмечавшийся в 1957 г. 40-летний юбилей советской власти, когда появился ряд названий, связанных с участниками революции 1917 г. и Гражданской войны. Ветошный переулочек стал проездом Сапунова, Большой Казенный переулочек превратился в улицу Аркадия Гайдара, 3-й Николощеповский переулочек был переименован в проезд Шломина и т.д. Затем последовали очередные юбилеи победы в Великой Отечественной войне, битвы под Москвой и т.п. Вместе с тем в начале 1960-х гг. у руководства Моссовета возникло желание окончательно избавиться от названий, происшедших от фамилий домовладельцев, а также имевших хоть какие-то намеки на церковное происхождение. Начались переименования: Гагаринский переулочек в 1962 г. стал улицей Рылсева, 1-й Зачатьевский переулочек в 1968 г. превратился в улицу Дмитриевского (в честь Героя Советского Союза). Подобная практика особенно развилась в 1970-х гг., когда некролога в газете «Правда» было достаточно для того, чтобы на карте города появилась новая улица. При этом существовала определенная иерархия. Если имена академиков присваивались, как правило, улицам в районах новой застройки, то для увековечивания памяти военачальников улицы переименовывались. Так,

с карты Москвы полностью исчезли все улицы Октябрьского поля (бывшего Ходынского). Другой любопытной особенностью того времени было то, что если на долю того или иного лица доставался переулочек, при переименовании он обычно преобразовывался в улицу, несмотря на свои размеры.

В итоге Москва постепенно все более и более превращалась в своеобразный «поминальник». При этом для многих жителей столицы было порой неясно – в честь кого была названа та или иная улица. Поэтому в московской топонимике появились ранее несвойственные ей указания на род деятельности того или иного человека – улица академика Петровского, улица маршала Бирюзова и т.д. В Москве оказались 2 названия, связанные с именем Островского – одно было дано в честь известного драматурга XIX в., другое – в память автора романа «Как закалялась сталь». Поэтому первую из этих улиц стали именовать улицей А.Н. Островского, а вторую – переулком Н.А. Островского. Подобные переименования продолжались вплоть до начала 1980-х гг., когда в Москве появились площадь Л.И. Брежневой, улицы М.А. Суслова, К.У. Черненко (именно так, с инициалами, они писались в официальных документах).

Многочисленные переименования улиц привели к утрате многих коренных московских названий, которые фиксируются источниками еще с XVII – XVIII вв.: Покровки, Маросейки, Якиманки, Остоженки и т.д. Все это вызывало недовольство москвичей. С началом перестройки был поднят вопрос о возвращении исторических названий. В 1986 г. Метроостровскую улицу вновь переименовали в Остоженку, Фрунзенский вал – в Хамовнический, а в 1989 г. улица Жданова вновь стала Рождественкой. Перелом произошел в начале 1990-х гг. С ноября 1990 г. по май 1993 г. было переименовано около 150 улиц в основном в пределах Садового кольца. На карте Москвы вновь появились Тверская, Покровка, Большая и Малая Дмитровка, Маросейка, Якиманка, Пречистенка, Красные ворота, Варварка и т.д. Вместе с тем исчезли улицы Горького, Чернышевского, Пушкинская, Чехова, Богдана Хмельницкого, Димитрова, Кропоткинская, Разина.

В последующем, начиная с 1994 г., присвоение улицам имен людей носит единичный характер. В 2004 г. новая улица в Южном Бутове получила имя в память президента Чеченской республики Ахмада Кадырова (1951–2004), погибшего в результате теракта. В 2005 г. улица Войтовича была переименована в Старообрядческую, а в 2006 г. 2-я улица Усевича стала называться улицей авиаконструктора Яковлева. В 2008 г. Боль-

шую Коммунистическую переименовали в улицу Солженицына. В 2000-х гг. на карте города появилось еще несколько новых улиц, названных именами выдающихся лиц, но все они были образованы из проектируемых проездов.

В книге встречается ряд недочетов. Так, улица Александра Лукьянова почему-то названа переулком. Имеются и пропуски: не упомянута Хованская улица в Северо-Восточном округе, названная в честь князей Хован-

ских, когда-то владевших находившимся там селом Леоново. Недостатком является то, что не даны прежние названия улиц, ряд которых имел мемориальный характер.

Однако в целом справочник является полезным изданием, поскольку дает информацию о подавляющем числе лиц, в честь которых названы улицы российской столицы.

К.А. Аверьянов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Э.В. Летенков. Журнал «История СССР» 1977–1986 гг.: Указатель содержания. СПб.: Скифия-принт, 2009. 272 с.

Издание указателя содержания одного из ведущих советских исторических журналов, предпринятое под грифом исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, давно назрело: предыдущий указатель («История СССР. Указатель содержания журнала 1957–1976 гг.» / Сост. Н.Я. Крайнева, П.В. Пронина (М, 1978)) вышел в свет более 30 лет тому назад. Вместе с тем при сопоставлении рецензируемой книги с работой Крайневой и Прониной возникает ряд вопросов и замечаний.

Прежде всего, хронологические рамки. Работа предшественников автора охватывала содержание журнала за весь период его издания, Летенков же ограничился последующим десятилетием, и причина этого им не оговорена. Нельзя не отметить и радикальные отличия в плане расположения материала между рецензируемой книгой и работой Крайневой и Прониной: в полном соответствии со структурой советской исторической науки его предшественники расположили материал по подробно детализированным разделам: «Историческая наука», «Специальные и вспомогательные исторические дисциплины», «История СССР» с детализацией по периодам и темам, «Всеобщая история», «Археология», «Этнография». Летенков пошел по иному пути, положив в основу классификации тематические рубрики из погодных указателей содержания, которые публиковались в № 6 журнала. Между тем еще его предшественники справедливо указывали: «Такие указатели дают сведения только о фамилиях авторов и о названиях материалов по рубрикам, совпадающим в основном с рубрикой журнала. Этого, разумеется, далеко не достаточно для раскрытия всего научного и информационного богатства, накопленного за многие годы» (Там же. С. 4). Вследствие этого Крайневой и Прониной пришлось проаннотировать значительное число публикаций, назва-

ния которых не давали представления об их содержании. К сожалению, в рецензируемой книге этого не сделано, хотя публикаций с «темными» заглавиями меньше в журнале не стало.

В ряде случаев заглавия рубрик противоречат их содержанию. Так, на с. 83–85, отражающих содержание журнала за 1982 г., под рубрикой «Рецензии на учебные пособия» подавляющее большинство публикаций представляют собой рецензии не на учебные пособия, а на издания совсем других типов. На с. 89–90, где перечисляются публикации 1983 г., под рубрикой «К столетию образования группы “Освобождение труда” и начала распространения марксизма в России» – 11 записей, в числе которых: *Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е.* Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1928 гг.). № 2. С. 3–20; *Захарова Л.Г.* Редакционные комиссии 1859–1860 годов: учреждение, деятельность (К истории «кризиса верхов»). № 3. С. 53–71; и т.п.

К систематическому указателю (погодному), занимающему основную часть рецензируемого издания (с. 7–140) приложены предметный (с. 141–228), именной (с. 229–254), хронологический (с. 255–261) указатели, указатель географических названий (с. 262–264), алфавитный указатель тематических рубрик (с. 265–267), наконец, хронологический указатель тематических рубрик (с. 268–270).

Для издания, где принят погодный план расположения материала с делением на тематические рубрики, предметный указатель представляется абсолютно необходимым; другое дело, что из названий публикаций, которые легли в основу рубрикатора, не всегда понятно их содержание, а потому этот указатель оказался неполным. Кроме того, при внимательном чтении формулировок рубрик создается впечатление, что указатель